

ПАМЯТНАЯ ДАТА

250 ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ США

1776 – 2026

Литература двух Америк. 2026. № 20.

Literature of the Americas, no. 20 (2026)

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-274-295>

<https://elibrary.ru/RTFKGM>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Мария ФИЛИМОНОВА

ПАМФЛЕТЫ И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: «ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» ТОМАСА ПЕЙНА

Аннотация: Pamфлет Томаса Пейна «Здравый смысл» (1776) рассматривается в статье как один из ключевых текстов политической коммуникации периода Американской революции. Анализируется роль памфлетистики XVIII в. в формировании публичной сферы и распространении революционных идей в североамериканских колониях. Показано, что памфлеты выступали не только средством политической пропаганды, но и пространством выработки новых моделей политического мышления, основанных на принципах народного суверенитета, естественных прав и республиканского правления. Рассматриваются особенности стилистики «Здравого смысла», ориентированной на широкую аудиторию, а также риторические и дискурсивные стратегии, позволившие автору представить идею отделения от Великобритании как логически очевидное и политически необходимое решение. Методологической основой исследования является дискурсивный подход, опирающийся на теоретические положения Э. Лаклау и Ш. Муффа о гегемонии и «пустых означающих». Применение данной аналитической рамки позволяет рассмотреть «Здравый смысл» как акт политического означивания, направленный на формирование нового символического порядка. В тексте Пейна конструировались и переопределялись ключевые категории революционной эпохи — «народ», «свобода» и «закон». Показано, что данные понятия функционировали как «пустые означающие», объединяющие различные социальные и политические требования в единую дискурсивную конструкцию, направленную на легитимацию независимости североамериканских колоний. Кроме того, в статье проводится сопоставление риторики «Здравого смысла» и Декларации независимости США, что позволяет проследить процесс трансформации революционного дискурса от публицистической мобилизационной формы к его институциональному и юридическому оформлению.

Ключевые слова: Американская революция, Томас Пейн, «Здравый смысл», памфлетистика, политический дискурс, публичная сфера, народный суверенитет, гегемония, Просвещение

Информация об авторе: Мария Александровна Филимонова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Курский государственный университет, ул. Радищева, д. 33, 305000 г. Курск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7212-2371>. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Для цитирования: Филимонова М.А. Pamфлеты и публичная сфера в Американской революции: «Здравый смысл» Томаса Пейна // Литература двух Америк. 2026. № 20. С. 274–295. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-274-295>

MEMORABLE DATE

UNITED STATES SEMIQUINCENTENIAL
1776–2026

Литература двух Америк. 2026. № 20.

Literature of the Americas, no. 20 (2026)

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-274-295>

<https://elibrary.ru/RTFKGM>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Maria FILIMONOVA

PAMPHLETS AND THE PUBLIC SPHERE IN THE AMERICAN REVOLUTION: THE CASE OF THOMAS PAINE'S *COMMON SENSE*

Abstract: This article examines Thomas Paine's seminal pamphlet, *Common Sense* (1776), as a defining text of political communication during the American Revolution. It analyzes the broader role of eighteenth-century pamphleteering in shaping a vibrant public sphere and disseminating revolutionary ideas throughout the North American colonies. Far from serving merely as tools of political propaganda, these pamphlets offered a vital space for forging new models of political thought, rooted in the principles of popular sovereignty, natural rights, and republican governance. The study explores the pamphlet's distinctive style, deliberately crafted to resonate with a wide audience, and the rhetorical and discursive strategies Paine employed. These strategies allowed him to frame the separation from Great Britain not as a radical leap, but as a logically self-evident and politically imperative step. Methodologically, the research adopts a discursive approach informed by the theoretical framework of hegemony and "empty signifiers" developed by Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. This analytical lens positions *Common Sense* as a powerful act of political signification, actively working to construct a new symbolic order. Paine's text strategically redefines the key categories of the revolutionary era, that is, "the people," "liberty," and "law." The article demonstrates how these concepts function as "empty signifiers," capable of uniting disparate social and political grievances into a cohesive discursive front, all directed toward legitimizing the independence of the colonies. Finally, by comparing the rhetoric of *Common Sense* with that of the Declaration of Independence, the article traces the transformation of revolutionary discourse. It shows how Paine's passionate, mobilizing language evolved into the formal, institutional, and legal language of nation-building, marking the journey from revolutionary call to political foundation.

Keywords: American Revolution, Thomas Paine, *Common Sense*, pamphleteering, political discourse, public sphere, popular sovereignty, hegemony, Enlightenment

Author information: Maria A. Filimonova, Doctor Hab. in History, Leading Researcher, Kursk State University, Radishcheva St. 33, 305000 Kursk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7212-2371>. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

For citation: Filimonova, Maria. "Pamphlets and the Public Sphere in the American Revolution: The Case of Thomas Paine's *Common Sense*." *Literature of the Americas*, no. 20 (2026): 274–295. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2026-20-274-295>

Исследование политической коммуникации и механизмов формирования общественного мнения в эпоху революций остается одной из ключевых проблем современной историографии и политической науки. Особое значение приобретает анализ медийных практик, благодаря которым распространялись и легитимировались революционные идеи. В этом контексте памфлетистика XVIII в. выступала не просто средством пропаганды, но и инструментом конструирования политической реальности, формирования коллективной идентичности и легитимации идеи народного суверенитета.

Одним из ярчайших примеров революционной памфлетистики в США был «Здравый смысл» (*Common Sense*), вышедший в январе 1776 г. Его автор, Томас Пейн — сын корсетного мастера-квакера из Тетфорда (Англия). В юности он убежал из дома, чтобы стать моряком. Вернувшись из плавания, Пейн занялся самообразованием, много читал, посещал публичные лекции в Лондоне. Он переменял не одну профессию, был и торговцем, и учителем, и чиновником. Случайное знакомство с Б. Франклином натолкнуло Пейна на мысль попытаться счастья в Америке. В 1774 г. он прибыл в Новый Свет. Под покровительством Франклина и нового друга — Б. Раша — Пейн стал сотрудником *Pennsylvania Magazine*. Его статьи были проникнуты просвещенческой либертарной философией, шла ли речь о женском вопросе, рабстве негров или английских завоеваниях в Индии.

«Здравый смысл» выделяется в ряду прочих произведений Пейна и представляет собой феномен. С одной стороны, это текст, способный мобилизовать широкие слои населения; с другой — сложный дискурсивный объект. Несмотря на значительное внимание историков и литературоведов, многие аспекты его функционирования как инструмента политического означивания и создания гегемонного дискурса остаются недостаточно исследованными.

Представляется продуктивным рассмотреть «Здравый смысл» не только как пропагандистский текст, но и как инструмент конструирования новой политической реальности, в котором ключевые для эпохи понятия проходили радикальное переозначивание. Такой подход позволяет увидеть в памфлете Пейна механизм, подготовивший переход общественного сознания от умеренных форм протеста к принятию идеи полной независимости.

Памфлеты называют основной литературой Американской революции [Литературная история 1977: 179]. К 1783 г. в США вышло около 1,5 тыс. памфлетов. Цена их обычно была не выше 2 шиллин-

гов [Calkin 1940: 23; История литературы США 1997: 486–487], так что они были доступны широким слоям грамотной публики. Они отличались небольшим размером, свободой формы, что и позволяло им стать эффективным пропагандистским оружием. Они были остро злободневны, а недостаток оригинальности у большинства авторов компенсировался партийным пылом.

Наиболее успешные памфлеты XVIII в. распространялись впечатляющими тиражами, значительно превышавшими охват аудитории даже у самых популярных газет. В Великобритании тиражи газет могли доходить до нескольких тысяч экземпляров в день [Bourne 1887: 251]. Америка отставала, но ненамного. Самые массовые газеты кануна революции (вигская *Massachusetts Spy* и торийская *Rivington's New York Gazetteer*) имели тираж 3500–3600 экз. [Kobre 1970: 91; Mott 1950: 59, 78]. В то же время один из самых влиятельных антиамериканских памфлетов, «Спокойное обращение к нашим американским колониям» (*A Calm Address to Our American Colonies*, 1775) Джона Уэсли, по оценке его автора, разошелся тиражом более 40 000 экземпляров [Adams 1968: 44]. Успех «Здравого смысла» Томаса Пейна был и вовсе невероятным по меркам эпохи. Это произведение издавалось в Филадельфии, Бостоне, Провиденсе и других американских городах. В Филадельфии, где значительную этническую группу составляли пенсильванские немцы, дополнительно вышел немецкий перевод. За пределами Америки памфлет был издан в Лондоне, Эдинбурге, Париже [Keane 1995: 110]. В первые три месяца было продано более 100 000 экземпляров, в общей сложности — около 500 000 [Conway 1892: 69]. Учитывая, что общая численность населения восставших колоний составляла 2,5 млн чел., «Здравый смысл», видимо, прочитали все грамотные американцы¹.

Не всегда памфлетисты стремились обратиться к широкой аудитории. Эссеистические тексты, содержащие личные рефлексии и аналитические размышления, могли распространяться в рукописной форме среди представителей правящих элит и влиятельных кругов. Были и промежуточные варианты. Pamфлет Томаса Хатчинсона «Замечания на Декларацию Конгресса в Филадельфии» (*Strictures upon the Declaration of the Congress at Philadelphia*, 1776) был напеча-

¹ *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Bicentennial edition*. Vol. 1. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975. Series B 1–90, table B 12. P. 25.

тан, однако нет сведений о том, что он когда-либо поступал в продажу [Adams 1968: 42–43].

Книжные магазины охотно включали памфлетику в свой ассортимент. Так, бостонский книготорговец Джон Мейн, стараясь удовлетворить растущий спрос, предлагал горожанам купить «все последние политические памфлеты, касающиеся Америки и министерства»². Помимо этого, печатная продукция распространялась коробейниками, которые доходили до самого фронта в Америке и до отдаленных районов Британских островов. Обычной практикой в XVIII в. стал заказ памфлетов по почте.

Памфлетистика находилась в сложном взаимодействии с периодическими изданиями. Газеты анонсировали и рецензировали памфлеты, публиковали выдержки из них. Так, «Здравый смысл» при своих рекордных тиражах дополнительно перепечатывался в *Virginia Gazette* и *Connecticut Courant*. Его отрывки публиковались в прессе самых разных стран, например, в Польше [Keane 1995: 110]. Создавалась определенная медиасреда. Лондонский памфлет 1761 г. уверял, что «политические взгляды англичан всецело зависят от памфлетов и газет» [цит. по: Horn Melton 2001: 31]. То же можно сказать об их американских современниках. С точки зрения теории публичной сферы (в духе Юргена Хабермаса), газета — институт, который создавал пространство рационально-критической дискуссии [см. об этом: Хабермас 2017: 72–75, 114–116], но не обязательно концентрировал ее в одном идеологическом манифесте. Памфлет не был ограничен форматом номера и позволял развернуть полноценный теоретический трактат.

Дополнительные возможности создавались особенностями публичной сферы Британской империи. Лучшие памфлеты и газетные статьи зачитывались вслух на политических собраниях, в церквях после воскресной службы, в кофейнях и тавернах, в кругу семьи, иногда на заседаниях законодательных ассамблей [De Pauw 1966: 93; Payne 1970: 138–139; Brown 1989: 115–116]. Типографские практики XVIII в. подсказывают, что памфлетистика адаптировалась для чтения вслух. Например, частое использование курсива имитировало интонационный рисунок устной речи. Даже в таких текстах, как Декларация независимости США, первоначально присутствовали едва заметные пробелы, которые можно было трактовать как указания

² *The Boston-Gazette, and Country Journal* (March 3, 1766).

оратору сделать паузу [Edgar 2015: 76]. В XVIII в. грамотность была неоднородной, и чтение вслух превращало текст в коллективный политический опыт.

Стоит отметить, что британские власти пытались воздействовать на памфлетику. При отсутствии предварительной цензуры приходилось использовать имевшиеся инструменты влияния на авторов. Имеются свидетельства того, что около 40% британских памфлетов 1760–1770-х гг. получали то или иное правительственное вознаграждение при публикации [Adams 1968: 48]. Босуэлл передавал эпизод взаимодействия министерства с великим лексикографом Сэмюэлем Джонсоном: «Хотя пенсия ему назначалась как литератору, администрация обратилась к нему с просьбой написать политические памфлеты, и он настолько сильно разозлился, что заявил о своем решении отказаться от пенсии»³. Впрочем, по зрелом размышлении Джонсон переменял свое решение и написал заказанный памфлет «Налогообложение — не тирания» (*Taxation no Tyranny*, 1775), направленный против главного лозунга американских протестов «Никакого налогообложения без представительства».

Эффект мог быть не тем, на какой рассчитывали власти. Уже упоминавшийся памфлет Уэсли «Спокойное обращение к нашим американским колониям» вызвал подозрения в том, что он оплачен министерством. Уэсли вынужден был доказывать, что писал не ради денег или почестей⁴.

Американские памфлетисты-виги⁵ не получали субсидий за свои произведения. Единственным исключением был Пейн. Пенсильванская ассамблея выдала ему 500 фунтов стерлингов наличными, а власти штата Нью-Йорк подарили земельный участок [Calkin 1940: 26]. Но и Пейн получил награду через несколько лет после выхода «Здравого смысла», когда его роль в борьбе за независимость США была уже всем очевидна.

Британское правительство также пыталось бороться с нежелательными, с его точки зрения, публикациями. Так, в 1775 г.

³ Boswell J. *Life of Johnson*: 6 vols., ed. by G.B. Hill, vol. 1. Frankfurt: Megali Verlag, 2024: 991.

⁴ Wesley, John. *The Letters*: 8 vols., ed. by J. Telford, vol. 6. London: Epworth, 1931: 192.

⁵ В период Американской революции вигами, или патриотами назывались ее сторонники, тори, или лоялисты — ее противники.

памфлет под названием «Кризис» был сожжен рукой палача⁶. Хотя предварительной цензуры в Британии не было, за публикацию «подстрекательского листка» издателя мог ждать штраф или даже тюремное заключение. «Здравый смысл» уж точно мог считаться «подстрекательским». Но он все же был отпечатан и в Англии, и в Шотландии. Поэтому его реклама в британских газетах и журналах сопровождалась определенными уловками. *Newcastle Weekly Magazine* печатал рекламу этого памфлета между лекцией «о безумии войны» и пасторалью «Вознагражденная добродетель»⁷, словно пытаясь затушевать его исключительный характер соседством вполне невинных произведений. Реклама эдинбургского переиздания «Здорового смысла» сопровождалась комментарием: «Чтобы показать истинный дух и взгляды колоний или, скорее, вождей их мятежа, которые не могут не вызвать негодования у всякого британца; у них не останется ни одного защитника, который не совсем потерян для лояльности, патриотизма и здравого смысла»⁸. Кажется, издатель хотел перестраховаться, печатая «подрывной» памфлет.

Ранние исследователи считали влияние «Здорового смысла» на судьбу Америки определяющим. С.М. Бертольд категорически заявлял, что Америка обязана своей независимостью Томасу Пейну [Berthold 1938: 42]. Полемизируя с подобными высказываниями, отечественный историк В.В. Согрин подчеркивал, что было бы наивно приписывать провозглашение американской независимости одному чудесному воздействию «Здорового смысла» [Согрин 2019: 10–11]. С этим последним утверждением нельзя не согласиться, как нельзя и оспаривать огромное значение памфлета Пейна.

Большинство исследователей особенно выделяют стилистику «Здорового смысла» как ключ к его огромной популярности. Видный американский историк Э. Фонер отстаивал стилистическую уникальность памфлета, заключавшуюся в простоте его языка и общедоступности аргументации. По мнению Фонера, стиль Пейна полностью порывал с легалистской и логической аргументацией более ранних американских памфлетов [Foner 1976: 82–83]. Б. Бейлин в своей фундаментальной работе «Идеологические истоки Американской революции» говорил о «чужеродности» пейновской стилистики, которая,

⁶ *St. James's Chronicle* (March 6, 1775). Это был не известный памфлет Томаса Пейна, вышедший позднее, а какое-то произведение с аналогичным названием.

⁷ *The Newcastle Weekly Courant* (August 10, 1776): 1.

⁸ *The Caledonian Mercury* (June 15, 1776): 3.

по его мнению, не имела американских прецедентов [Бейлин 2010: 25]. О том же писал еще один крупный исследователь Американской революции, Г. Вуд. Он считал, что памфлет Пейна стоял особняком среди других печатных материалов того времени, которые были переполнены отсылками к классическому миру, языку и литературе. Пейн показал простым людям, которые в прошлом не слишком интересовались политикой, что изящные слова и латинские цитаты больше не имеют такого значения, как честность и искренность, а также естественное выражение чувств [Wood 2002: 56]. К сходным выводам приходят и другие ученые [напр.: Sigelman, Martindale, McKenzie 1996: 373–379; Higham 2018: 5].

Выводы исследователей подтверждаются высказываниями самого автора. В одном из памфлетов Пейн так сформулировал свою стилистическую политику: «Поскольку я намерен сделать так, чтобы меня могли понять даже те, кто едва умеет читать, я откажусь от каких-либо литературных украшений и изложу все простым языком — таким же ясным, как алфавит»⁹. Той же стратегии он следовал и в «Здравом смысле». Однако уникальным его стиль не был. Установке на упрощение языка следовали, например, нью-йоркский лоялист Сэмюэль Сибери в «Письмах вестчестерского фермера» (*Letters of a Westchester Farmer, 1774–1775*) и Уэсли в «Спокойном обращении». Показательно, что оба автора — священники и, по всей видимости, при написании памфлетов ориентировались на свой проповеднический опыт. Вигские памфлетисты до Пейна действительно предпочитали более «ученый» стиль дискуссии. Но и в вигской пропаганде есть яркий пример — газета Исайи Томаса *Massachusetts Spy*, которую историки называют первой «рабочей газетой» в Америке [Kobre 1970: 79], так как ее аудитория состояла прежде всего из грамотных ремесленников, кораблестроителей, кузнецов и сапожников. Стилистика газеты была адаптирована именно для этой целевой аудитории.

Многие исследователи, изучающие «Здравый смысл», также подчеркивают новаторский характер отраженной в памфлете идеологии. Бейлин называл «Здравый смысл» «иконоборческим» произведением [Бейлин 2010: 183]. По мнению Фонера, Пейн буквально преобразовал политический язык. До него слово «республика»

⁹ Paine, Thomas. *The Complete Writings*: 2 vols., ed. by Ph.S. Foner, vol. 2. New York, 1945: 111.

употреблялось в политической полемике как инвектива; Пейн превратил республиканизм в живой политический лозунг [Foner 1976: 75]. Согласно выводам В.В. Согрина, выступление Пейна в защиту республики, приравнивавшейся в XVIII в. как в Европе, так и в Северной Америке к утопии, было равнозначно идейному подвигу [Согрин 2001: 49]. Последнее утверждение является преувеличением. В Европе XVIII в. существовали реальные, отнюдь не утопические республики. Пропаганда Пейном отделения от Великобритании не была уникальна. Историк Дж. Кин выявил более ранние памфлеты, отстаивавшие идею американской независимости. По выражению ученого, они пали жертвой того простого факта, что вышли слишком рано [Keane 1995: 113].

Некоторые аналитики впадают в противоположную крайность, пытаясь доказать, что в идеях Пейна не было вообще ничего нового [Sigelman, Martindale, McKenzie 1996]. Ключевые идеологемы, использованные в памфлете — народный суверенитет, верховенство закона, республиканизм, — действительно были разработаны в европейском Просвещении задолго до Пейна. Новаторство Пейна состояло скорее в том, как он применял существовавшие в его время теоретические наработки к конкретной политической ситуации.

Чтобы оценить дискурсивный прорыв, совершенный Пейном, необходимо рассмотреть «Здравый смысл» в контексте эволюции идеологии патриотического движения. Ключевые понятия, которые Пейн радикально переосмыслил, уже циркулировали в публичной сфере и имели свою историю означивания. Проследив эту эволюцию от Джеймса Отиса до Бенджамина Франклина, можно увидеть, что Пейн не просто ввел новые смыслы, но и совершил гегемонный сдвиг, переартикулировав существовавшие «пустые означающие» и вытеснив более умеренные дискурсы на периферию.

На раннем этапе протестного движения, в 1760-х гг., доминирующей была правовая и конституционная аргументация, наиболее ярко представленная адвокатом и памфлетистом Дж. Отисом. В памфлете «Права британских колоний, утвержденные и доказанные» (1764)¹⁰ Отис наполнял означающее «свобода» конкретным юридическим содержанием, производным от британской конституционной традиции и естественного права. Свобода для него подразумевала прежде всего гарантии против произвольного налогообложения

¹⁰ Otis, James. *The Rights of British Colonies Asserted and Proved*. Boston, 1764.

и нарушений процедурных прав. В этой дискурсивной формации «народ» еще прочно связывался с понятием «британские подданные», а «закон» — с неписаной британской конституцией и принципом «никакого налогообложения без представительства». Требования колонистов артикулировались как восстановление исконных прав англичан, нарушенных коррумпированным министерством. Это был дискурс реставрации, а не революции.

Следующим этапом стала концепция гомруля (home rule), укорененная в идеях Б. Франклина, С. Адамса, А. Гамильтона и других американских публицистов кануна Войны за независимость. Их подход, который можно рассматривать как переходный, разрывал жесткую связь между «народом» и британским парламентом. Они настаивали на том, что американские колонии связаны с Британией исключительно через личность короля и имеют собственные законодательные ассамблеи, неподотчетные парламенту в Вестминстере [см. об этом: Филимонова 2015]. В этой дискурсивной конфигурации «народ» колоний обретал черты отдельного политического субъекта, обладающего правом на внутреннее самоуправление под эгидой короны. «Закон» теперь интерпретировался как продукт местных легислатур и королевских хартий. Означающее «свобода» расширялось от защиты от внешнего вмешательства до права на самостоятельное политическое существование в рамках империи. Концепция гомруля была компромиссной, половинчатой и тем не менее неприемлемой для метрополии. Это делало ее уязвимой в условиях эскалации конфликта как для английской, так и для американской стороны.

Именно эту дискурсивную нестабильность и использовал Томас Пейн. «Здравый смысл» стал актом гегемонной интервенции, который не просто сменил эмоциональный тон с юридического на полемический, но и радикально переопределил сами узловые точки дискурса.

Обратимся к более подробному анализу «Здравого смысла». Очевидно, что ключевой идеей памфлета является независимость Америки. Пейн выстраивал систему смысловых оппозиций, легитимирующих разрыв с метрополией. Он конструировал коллективные субъекты через стратегии номинации. Англия в тексте номинировалась через монархическую фигуру («коронованный зверь Великобритании»), институт монархии и метафору «родины-матери», которая проблематизировалась. Пейн не скрывал своего презрения: «В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности; иначе

говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого!»¹¹ Эмоционально окрашенное понятие «родины-матери» памфлетист переворачивал, меняя позитивную коннотацию на негативную: «Британия — наша мать, говорят некоторые. Тогда тем более позорно ее поведение. Даже звери не пожирают своих детенышей» (ЗС: 36).

В то же время Америка номинировалась как «континент» (геополитическое расширение масштаба), «общество» (противопоставленное «правительству») и «народ» — носитель естественных прав. Это позволяло выстроить ряд ярких антитез, например: «Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло» (ЗС: 21).

Переход от родственно-иерархической метафоры («родина-мать») к геополитической антитезе («континент–остров») разрывал эмоциональную связь. Америка переставала быть «дочерним» субъектом и становилась автономной исторической единицей.

Одновременно Пейн использовал несколько устойчивых топосов.

Это прежде всего топос естественного права, который к началу 1776 г. уже был глубоко укоренен в американской политической дискуссии. Пейн констатировал: «Мои идеи о форме правления основаны на законе природы», — причем прибегал к одному из своих сравнений, заимствованных из бытовой сферы: «Чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить, когда она испорчена <...> Конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед» (ЗС: 23–24). Намеренное обытовление дискурса позволяло памфлетисту адаптировать естественно-правовую теорию к восприятию людей, не привыкших к сложным философским текстам. Здесь он продолжал ту работу, которую с 1765 г., с начала англо-американского конфликта, выполняла американская пресса [см. об этом: Алентьева, Филимонова 2021: 25–86].

С естественно-правовой теорией связана и апелляция к здравому смыслу, заложенная в самом названии памфлета. Само это понятие широко использовалось в европейском и особенно шотландском

¹¹ *Пэйн Т.* Избр. соч. / под ред. М.П. Баскина. М.: АН СССР, 1959. С. 33. Далее ссылки на это изд. даны в скобках в тексте с пометой «ЗС» и указанием страниц.

Просвещении. В шотландской «философии здравого смысла» под этим понималась совокупность базовых, самоочевидных принципов познания. Здесь «здравый смысл» представлял собой эпистемологическую аксиоматику, обеспечивающую устойчивость знания и социальной практики [см.: Grave 1960; McDermid 2018; Микешин 2005]. В «Здравом смысле» происходила радикализация термина: он становился инструментом демократизации политического знания. Пейн апеллировал не к философской элите, а к «обычному рассудку» колонистов, превращая независимость в логически очевидное следствие естественного порядка.

Не менее важен топос масштаба, о котором уже упоминалось: географический аргумент трансформировался у Пейна в политико-онтологический. «Мелкие, неспособные к самозащите острова — подходящий объект для взятия их правительствами под свою защиту; но есть нечто абсурдное в предположении, что континент будет вечно находиться под управлением острова» (ЗС: 40–41), — заявлял он.

Наконец, едва ли не ключевую роль играл топос страдания. К 1776 г. он уже имел в американской публицистике собственную историю. Еще в период кризиса 1765 г., связанного с гербовым сбором, и в ходе кампании против актов Тауншенда (1767–1770) авторы-ви-ги активно апеллировали к чувствам попранной справедливости, переживаемой колонистами. Страдание описывалось тогда преимущественно в экономических и правовых категориях: как бремя несправедливого налогообложения, угроза разорения, паралич торговли, нарушение исконных конституционных прав. Это позволяло легитимировать протест, не выходя за рамки имперского дискурса. Пейн, опираясь на эту уже сложившуюся традицию, радикально драматизировал топос страдания. Он переводил его из сферы правовых и коммерческих тягот в сферу экзистенциальной травмы, вызывая в памяти читателей образы войны:

Я спрашиваю — сожжен ли ваш дом? Уничтожено ли на ваших глазах ваше достояние? Лишены ли ваша жена и дети хлеба и угла, чтобы преклонить голову? Потеряли ли вы родственника или ребенка, остались ли вы сами одиноко доживать свою разбитую жизнь? Если нет, то вы и не судья тем, кто перенес это. Но если да и вы все еще способны пожать руки убийцам, тогда вы недостойны носить имя мужа, отца, друга или возлюбленного, и какие бы у вас ни были чин или звание в жизни, в вас сердце труса и дух сикофанта (ЗС: 39).

Теперь страдание колонистов представляло не результатом парламентских злоупотреблений, которые еще можно исправить, а прямым следствием самой связи с метрополией. Англия окончательно репрезентировалась как внешняя сила, источник абсолютного насилия и разрушения; Америка — как невинная жертва, для которой разрыв отношений становился не политическим выбором, а моральным императивом.

Лейтмотивом памфлета становились утверждения, что первые сражения при Конкорде и Лексингтоне 19 апреля 1775 г. сделали примирение невозможным. Пейн прибегал к яркому олицетворению: «Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют: “Пора расстаться”» (ЗС: 38).

Текст Пейна не сводился только к пропаганде независимости. Если присмотреться к тому, как именно автор обращался с базовыми политическими категориями, становится заметна его глубинная работа по переозначиванию. В теоретической рамке, предложенной Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, такой процесс описывается как установление гегемонии через борьбу за «пустые означающие» — узловые точки дискурса, которые, не имея фиксированного содержания, способны объединять разнородные социальные требования в единую политическую конструкцию [Laclau, Mouffe 2001: xi; Laclau 1996: 36–40].

Именно такую работу и проделывал Пейн с понятиями «свобода», «народ» и «закон», с которыми чуть позднее работала и Декларация независимости. В оптике Лаклау и Муфф эти понятия функционировали как пустые означающие, и сравнение двух текстов позволяет увидеть, как менялся способ их артикуляции в решающий для революции момент.

Пейн использовал «свободу» как мобилизующий символ, обращенный к универсальным ценностям человечества:

Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества (ЗС: 48).

Свобода не описывалась как совокупность конституционных прав или система институтов. Она понималась как универсальная («для всего человечества»). Она объединяла различные требова-

ния — экономическую автономию, политическое самоуправление, моральную справедливость — без их строгой институционализации. Так знак «свободы» превращался в то, что Лаклау и Муфф называли бы пустым означающим, способным спланировать широкую коалицию.

В Декларации независимости свобода включалась в триаду неотчуждаемых прав, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹². Здесь она тоже представляла универсальным принципом, но этот принцип уже был помещен в юридический контекст: за провозглашением прав следовал перечень конкретных действий Георга III, эти права нарушающих. Если у Пейна свобода — это аффективный, мобилизующий знак, то в Декларации она превращалась в нормативный фундамент нового политического порядка, и ее смысловая пустота частично заполнялась правовой доктриной.

Аналогичную смысловую динамику демонстрирует и понятие «народ». Лаклау напоминает нам, что «народ» — категория не демографическая, а политическая, результат сложного конструирования [Laclau 2005: 224]. У Пейна это конструирование видно с первых строк: он обращался к «доброму народу этой страны» (“the good people of this country”)¹³ как к морально единому и «тяжко угнетенному» субъекту, противопоставленному власти короля и парламента (“grievously oppressed”; снова топос страдания). В других фрагментах памфлета «народ» выступал уже как единственный легитимный источник власти: «Такая власть не могла быть даром мудрого народа» (ЗС: 25) (“Such a power could not be the gift of a wise people”)¹⁴. Здесь people — автономный политический субъект, чьи интересы не совпадают с интересами короны. Таким образом, народ/people в памфлете — не нейтральный демографический термин. Пейн использовал его не просто как обозначение группы людей, а как структурный центр аргументации, вокруг которого строились смысловые положения памфлета.

Декларация шла еще дальше, провозглашая независимость «от имени и по уполномочию доброго народа этих колоний» (“in the Name, and by Authority of the good People of these Colonies”)¹⁵

¹² Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 25.

¹³ Paine, Thomas. *The Complete Writings*: 2 vols, ed. by Ph.S. Foner, vol. 1. New York, 1945: 3.

¹⁴ Ibid. P. 8.

¹⁵ Соединенные Штаты Америки: Конституция... С. 28.

и закрепляя за ним право «изменить или упразднить» губительное правительство¹⁶. Оба текста переопределяли понятие «народ» через народный суверенитет, коллективное волеизъявление и общий травматический опыт (в Декларации он зафиксирован в виде списка обвинений против Георга III). Эволюционная перспектива показывает, насколько радикальным было это переопределение. У Отиса «народ» был совокупностью британских подданных, чьи права были гарантированы конституцией. У Франклина, С. Адамса, Гамильтона «народ» колоний — это уже автономная политическая общность, связанная с метрополией королевской прерогативой. Пейн и Джефферсон завершили этот семантический сдвиг, окончательно освобождая означаемое «народ» от любых связей с британской политической системой. В их текстах «народ» стал единственным источником суверенитета, не нуждающимся в легитимации через корону или парламент. Это не просто мобилизация, а создание нового политического субъекта, который в Декларации получал формальную юридическую ипостась — «народ этих колоний», от имени которого и провозглашалась независимость.

И при этом ни Пейн, ни Джефферсон не конкретизировали понятие народа. Оба автора опирались на универсальные пустые означающие, первоначальная фиксация которых исключала значительные группы населения. По данным, приводимым В.В. Согриным, избирательным правом в американских колониях обладали около 10–15% жителей [Согрин 2001: 41]. В 1776 г. политический субъект “people” фактически означал белых собственников мужского пола; рабы, индейцы, женщины, несвободные белые мужчины (закабаленные слуги), а также белые мужчины, не имеющие собственности, не были включены в это понятие. Универсализм Джефферсона и Пейна — риторически абсолютный, но ограниченный на практике. Это несоответствие давно было замечено историографией. Анализируя Декларацию независимости, выдающийся советский историк Н.Н. Болховитинов обращал внимание на особенности словоупотребления XVIII в. Слово “man”, которое использовано Джефферсоном в его знаменитой формуле «все люди созданы равными» (“all men are created equal”) могло означать не просто «человека» или «мужчину», но и «богатое или независимое лицо» [Болховитинов 1980: 95–96; Болховитинов 2001: 457–458].

¹⁶ Там же. С. 25.

В марксистской историографии, как советской, так и американской, констатировалось, что права человека объявляются буржуазией всеобщими, но фактически служат частным интересам собственности. Несоответствие могло трактоваться как идеологическое прикрытие классового господства [напр.: Аптекер 1970: 71]. В современной постструктуралистской аналитической рамке эти особенности ранней политической культуры США подтверждают тезис критической дискурсивной теории: гегемонный дискурс формируется через включение и исключение одновременно, а его целостность поддерживается за счет селективности. Несовпадение текста, претендующего на универсальность, и его применения — структурное свойство политического, а не просто маска классовых интересов.

В определенном смысле история США — это серия переартикуляций пустого означающего «народ». Позднее именно универсализм Декларации позволил, например, Элизабет Кэди Стэнтон в «Декларации чувств» (1848) переартикулировать формулу “all men are created equal” в сторону гендерного включения (“all men and women are created equal”). Аболиционисты, активисты движения за гражданские права, феминистки могли апеллировать к тем же универсальным формулировкам Декларации против существующего порядка. Если бы права были изначально четко определены как права «белых собственников», переартикуляция была бы невозможна.

Но вернемся к анализу «Здравого смысла». Эта же логика переопределения затрагивает и понятие «закон», противопоставленное «тирании». У Пейна «тирания» выступала как своего рода плавающее означающее, вбирающее в себя все формы несправедливости, от налогообложения без представительства до жестокости королевских солдат. В противовес ей памфлетист вводил знаменитую формулу: «Как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем и не должно быть никакого другого» (ЗС: 46). «Закон» здесь — это символ новой, республиканской легитимности. Декларация независимости структурировала свой юридический дискурс вокруг того же концепта, но формализовала его: за понятием «закон» теперь стоял не только моральный принцип, но и перечень правовых претензий к короне, и провозглашение прав «свободных и независимых штатов». Пустое означающее стабилизировалось, обрстая правовой аргументацией.

Таким образом, текст Пейна работал на то, чтобы вытеснить предшествовавшие, компромиссные дискурсы (будь то конститу-

ционный монархизм Отиса или имперский федерализм гомруля) и утвердить новый символический порядок, основанный на идеях народного суверенитета и республиканизма. Монархия интерпретировалась как экзистенциальное зло, а республика — как форма правления, соответствующая здравому смыслу и интересам общества.

Декларация независимости стала следующим шагом в институционализации нового гегемонного дискурса. Страстная, мобилизующая риторика Пейна сменялась в ней взвешенным юридическим языком, а пустые означающие подвергались частичной смысловой фиксации, необходимой для строительства нового государства.

«Здравый смысл» вызвал бурную ответную реакцию. В большой степени верно утверждение историка Г. Кэлкина: «Здравый смысл» помог кристаллизовать общественное мнение [Calkin 1940: 31]. Дж. Вашингтон так оценивал открывающиеся перспективы: «Еще пара-тройка таких пламенных доводов, какие были представлены в Фалмуте и Норфолке, — и вкупе с непобедимой логикой [памфлета] “Здравый смысл” они убедят кого угодно в том, что отделение — дело правое»¹⁷. Вашингтон ссылаясь на актуальные в то время примеры жестокости англичан: сожжение дотла новоанглийских городков Фалмут и Норфолк. Реалии Войны за независимость, с его точки зрения, влияли на общественное мнение так же сильно, как и аргументация Пейна.

Тори, естественно, реагировали иначе. Так, филадельфийская квакерша Элизабет Дринкер сочла творение Пейна «мерзким» и «богохульным» [Короткова 2013: 313]. Англичанин Николас Кресуэлл, путешествовавший в 1776 г. по Америке, записал в дневник:

Памфлет под названием «Здравый смысл» производит большой шум. Это одна из самых скверных вещей, когда-либо опубликованных в мире: полна ложных представлений, лжи, клеветы и измены; ее принципы направлены на то, чтобы ниспровергнуть все монархические правительства и установить независимую республику. Я полагаю, что автор — какой-то янки-пресвитерианин, член Конгресса¹⁸.

¹⁷ Washington, George. *The Papers: Revolutionary War Series*: 27 vols, ed. by Ph.D. Chase, vol. 3. Charlottesville, 1985–2020: 226.

¹⁸ Cresswell, Nicholas. *The Journal of Nicholas Cresswell, 1774–1777*, ed. by Samuel Thornely. New York, 1924: 136.

Поскольку «Здравый смысл» вышел анонимно (что, впрочем, было обычной практикой для XVIII в.), высказывались различные догадки относительно личности автора. Одну из них можно видеть в приведенной выше цитате Кресуэлла. Пейн, до того никому не известный ни в Британии, ни в Америке, не был объектом этих догадок. *Edinburgh Advertiser* выдвигал предположение, что «Здравый смысл» якобы написан одним из видных лидеров Континентального конгресса¹⁹. Парламентарий Р. Ригби, убежденный сторонник монархии, выступая в Палате общин, объявил, что автором был С. Адамс²⁰. Разбора памфлета по существу в британских газетах обнаружить не удалось. Так, *Caledonian Mercury* ограничивалась заявлением, что в нем «много фальшивых утверждений»²¹. И в то же время невозможно было игнорировать огромное влияние Пейна на общественное мнение. *Ipswich Journal* констатировала: «Здравый смысл» читают все. «Сколько его читают, столько переходят на его сторону, хотя за час до того могли яростно высказываться против малейшего намека на независимость»²², — прибавляла газета. Даже британская пропаганда, таким образом, признавала огромное влияние пейновского текста, хотя и отвергала его базовые принципы.

Памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл» — один из важнейших документов Американской революции. Его изучение демонстрирует, как текст способен конструировать общественное мнение и легитимировать радикальные политические изменения. Проведенный анализ показывает, что памфлет функционировал не только как средство пропаганды, но и как дискурсивное пространство, в котором формировались и переосмыслились фундаментальные политические категории. Эти категории выступали в качестве «пустых означающих», объединяя разнообразные социальные и политические интересы в единую революционную повестку и обеспечивая гегемонию дискурса независимости.

Сопоставление риторики «Здравого смысла» и Декларации независимости США позволило выявить эволюцию революционного дискурса от публицистической мобилизационной формы к юридически и институционально закрепленной конструкции нового государства.

¹⁹ *The Edinburgh Advertiser* (May 10, 1776): 1.

²⁰ *The Edinburgh Advertiser* (May 7, 1776): 1.

²¹ *The Caledonian Mercury* (September 4, 1776): 1.

²² *The Ipswich Journal* (May 18, 1776): 2.

Однако этот переход не был одномоментным. Анализ демонстрирует, что «пустые означающие» — «народ», «свобода», «закон» — прошли сложный путь переозначивания: от конституционно-правового дискурса восстановления прав англичан (Отис) через компромиссную концепцию политической автономии в рамках империи (Франклин, С. Адамс, Гамильтон) к гегемонному дискурсу национального суверенитета и республиканизма (Пейн и Джефферсон). «Здравый смысл» сыграл в этом процессе решающую роль, разорвав дискурсивный компромисс и сформировав новую гегемонию, которая затем нашла свое институциональное закрепление в Декларации независимости. Таким образом, успех памфлета Пейна определялся не только его огромными тиражами и ярким стилем, но и способностью в нужный исторический момент закрепить за ключевыми политическими категориями новые, революционные значения.

ЛИТЕРАТУРА

Алентьева, Филимонова 2021 — *Алентьева Т.В., Филимонова М.А.* Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. СПб.: Алетей, 2021.

Аптекер 1970 — *Аптекер Г.* О природе демократии, свободы и революции. М.: Прогресс, 1970.

Бейлин 2010 — *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое изд-во, 2010.

Болховитинов 1980 — *Болховитинов Н.Н.* США: Проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980.

Болховитинов 2001 — *Болховитинов Н.Н.* Великие документы Американской революции: Взгляд из России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2001. С. 449–462.

История литературы США 1997 — *История литературы США. Т.1: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость XVII–XIII вв.* М.: Наследие, 1997.

Короткова 2013 — *Короткова С.А.* Пацифизм квакеров и события в Филадельфии в 1776–1778 гг. // *Американистика: актуальные подходы и современные исследования.* Курск: Курский гос. ун-т, 2013. Вып. 5. С. 305–322.

Литературная история 1977 — *Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3 т.* М.: Прогресс, 1977. Т. 1.

Микешин 2005 — *Микешин М.И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005.

Согрин 2001 — Согрин В.В. Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 29–50.

Согрин 2019 — Согрин В.В. Английское влияние на американскую цивилизацию // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 3–24.

Филимонова 2015 — Филимонова М.А. Империя без метрополии: проекты реформирования Британской империи в Америке накануне Войны за независимость // Британия: история, культура, образование: материалы международной научной конференции, 1–2 октября 2015 г. Ярославль: ЯГПУ, 2015. С. 162–164.

Хабермас 2017 — Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2017.

REFERENCES

Adams 1968 — Adams, Thomas R. “The British Pamphlet Press and the American Controversy, 1764–1783.” *Proceedings of the American Antiquarian Society* 78, no. 1 (1968): 33–51.

Alentieva, Filimonova 2021 — Alentieva, Tatiana V., and Maria A. Filimonova. *Prosvetitel'skie idei i revoliutsionnyi protsess v Severnoi Amerike* [Enlightenment Ideas and the Revolutionary Process in North America]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2021. (In Russ.)

Apteker 1970 — Apteker, Herbert. *O prirode demokratii, svobody i revoliutsii* [On the Nature of Democracy, Freedom and Revolution]. Moscow: Progress Publ., 1970. (In Russ.)

Bailyn 2010 — Bailyn, Bernard. *Ideologicheskiye istoki Amerikanskoy revolyutsii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. (In Russ.)

Berthold 1938 — Berthold, S.M. *Thomas Paine, America's First Liberal*. Boston, MA, 1938.

Bolkhovitinov 1980 — Bolkhovitinov, Nikolay N. *SShA: Problemy istorii i sovremennaya istoriografiya* [USA: Problems of History and Contemporary Historiography]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

Bolkhovitinov 2001 — Bolkhovitinov, Nikolay N. “Velikie dokumenty Amerikanskoi revoliutsii: Vzgliad iz Rossii” [“The Great Documents of the American Revolution: A View from Russia”]. In *Amerikanskaia tsivilizatsiia kak istoricheskii fenomen. Vospriiatie SShA v amerikanskoi, zapadnoevropeiskoi i russkoi obshchestvennoi mysli* [American Civilization as a Historical Phenomenon. Perception of the USA in American, Western European and Russian Social Thought], edited by N.N. Bolkhovitinov, 449–462. Moscow: Nauka Publ., 2001. (In Russ.)

Bourne 1887 — Bourne, Henry Richard Fox. *English Newspapers: Chapters in the History of Journalism*, 2 vols., vol. 1. London, 1887.

Brown 1989 — Brown, Richard D. *Knowledge is Power: The Diffusion of Information in Early America, 1700–1865*. New York, 1989.

Calkin 1940 — Calkin, Homer L. “Pamphlets and Public Opinion During the American Revolution.” *The Pennsylvania Magazine of History and Biography* 64, no. 1 (1940): 22–42.

Conway 1892 — Conway, Moncure Daniel. *The Life of Thomas Paine with a History of His Literary, Political and Religious Career in America, France, and England*, vol. 1. New York, 1892.

De Pauw 1966 — De Pauw, Linda Grant. *The Eleventh Pillar. New York State and the Federal Constitution*. Ithaca, NY, 1966.

Edgar 2015 — Edgar, Caitlin. “Brewing Identity: The Tavern’s Imprint on the American Revolution.” Undergraduate Theses, Providence College, 2015.

Filimonova 2015 — Filimonova, Maria A. “Imperia bez metropolii: proekty reformirovaniia Britanskoi imperii v Amerike nakanune Voiny za nezavisimost” [“Empire Without a Metropolis: Projects of Reforming the British Empire in America on the Eve of the War for Independence”]. In *Britania: istoriya, kul'tura, obrazovanie: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 1–2 oktyabria 2015 g.* [Britain: History, Culture, Education: Proceedings of the International Scientific Conference, October 1–2, 2015], 162–164. Yaroslavl': YaGPU Publ., 2015. (In Russ.)

Foner 1976 — Foner, Eric. *Tom Paine and Revolutionary America*. New York, 1976.

Grave 1960 — Grave, Selwyn A. *The Scottish Philosophy of Common Sense*. Oxford, 1960.

Habermas 2017 — Habermas, Jürgen. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir Publ., 2017. (In Russ.)

Higham 2018 — Higham, Danielle. “Beyond Propaganda: Positioning Thomas Paine’s Common Sense in the Literature of Revolution.” Honors thesis, Brigham Young University, 2018.

Horn Melton 2001 — Horn Melton, James van. *The Rise of the Public in Enlightenment Europe*. Cambridge, 2001.

Istoriia literatury SShA 1997 — *Istoriia literatury SShA* [History of USA Literature], 6 vols., vol. 1. Moscow: Nasledie Publ., 1997. (In Russ.)

Keane 1995 — Keane, John. *Tom Paine: A Political Life*. Boston et al., 1995.

Kobre 1970 — Kobre, Sidney. *The Foundations of American Journalism*. Westport, CT., 1970.

Korotkova 2013 — Korotkova, Svetlana A. “Patsifizm kvakerov i sobytiia v Filadel'fii v 1776–1778 gg.” [“Quaker Pacifism and Events in Philadelphia in 1776–1778”]. In *Amerikanistika: aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniia* [American Studies: Current Approaches and Modern Research], iss. 5, 305–322. Kursk: Kursk State Univ. Publ., 2013. (In Russ.)

Laclau 1996 — Laclau, Ernesto. “Why do Empty Signifiers Matter to Politics?” In *Emancipation(s)*, 36–46. London; New York, 1996.

Laclau 2005 — Laclau, Ernesto. *On Populist Reason*. London; New York, 2005.

Laclau, Mouffe 2001 — Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, 2nd ed. London; New York, 2001.

Literaturnaia istoriia 1977 — *Literaturnaia istoriia Soedinennykh Shtatov Ameriki* [Literary History of the United States of America], in 3 vols., vol. 1. Moscow: Progress Publ., 1977. (In Russ.)

McDermid 2018 — McDermid, Douglas. *The Rise and Fall of Scottish Common Sense Realism*. Oxford, 2018.

Mikeshin 2005 — Mikeshin, Mikhail I. *Sotsial'naia filosofiia shotlandskogo Prosveshcheniia* [Social Philosophy of the Scottish Enlightenment]. St. Petersburg: St. Petersburg Center for History of Ideas Publ., 2005. (In Russ.)

Mott 1950 — Mott, Frank Luther. *American Journalism. A History of Newspapers in the United States through 260 Years: 1690 to 1950*. New York, 1950.

Payne 1970 — Payne, George Henry. *History of Journalism in the United States*. Westport, CT., 1970.

Sigelman, Martindale, McKenzie 1996 — Sigelman, Lee, Colin Martindale, and Dean McKenzie. “The Common Style of Common Sense.” *Computers and the Humanities* 30, no. 5 (1996): 373–379.

Sogrin 2001 — Sogrin, Vladimir V. “Politicheskaiia vlast', demokratiia i oligarkhiia v Severnoi Amerike kolonial'nogo perioda” [“Political Power, Democracy and Oligarchy in Colonial North America”]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (2001): 29–50. (In Russ.)

Sogrin 2019 — Sogrin, Vladimir V. “Angliiskoe vliianie na amerikanskiu tsivilizatsiiu” [“English Influence on American Civilization”]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (2019): 3–24. (In Russ.)

Wood 2002 — Wood, Gordon S. *The American Revolution: A History*. New York, 2002.

© 2026, М.А. Филимонова

Дата поступления в редакцию: 31.03.2026

Дата одобрения рецензентами: 07.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

© 2026, Maria A. Filimonova

Received: 31 Mar. 2026

Approved after reviewing: 07 May 2026

Date of publication: 25 Jun. 2026